

КОРНИ

Раввин из Коканды

Роман
ИЛЬЯСОВ

Глава 1. ЯКОВ

Продолжение.
Начало в № 378.

Главный оперативник револьвером дал знак своим помощникам, указав на сарай, туалет и летнюю кухню, и отрывисто скомандовал: "Проверить". Помощники заскочили в кухню, сарай и туалет. Через минуту они вышли оттуда. "Чисто", - кивнул один из них главному. Главный оперативник всё еще стоял за спиной Якова, цепко держа его за шиворот. Револьвером дал знак своим помощникам, что следует проверить дом. «Не надо!» - задержавшись, вскрикнул Яков. - Вы испугаете детей, я сам заведу вас в дом».

Главный оперативник резко развернул Якова, схватил его за бороду своей огромной лапицей, приставил дуло револьвера к его переносице и зашипел: "Ещё раз пикнешь - пристрелю, жидовская морда". Яков только теперь мог увидеть этого верзилу со свирепым, огромным, багровым нечеловеческим лицом, с устрашающими, налитыми кровью глазами. Лицо Якова скривилось от боли и от ужаса. Наконец, через несколько минут, один из оперативников вышел из дома и кивнул своему начальнику, коротко бросив: «Жена и четверо детей». Оперативник отпустил бороду Якова. Засовывая свой револьвер в кабуру, толкнул его в сторону дома и что-то шепнул одному из своих помощников. Но острый слух Якова уловил одно из его слов - "понятых".

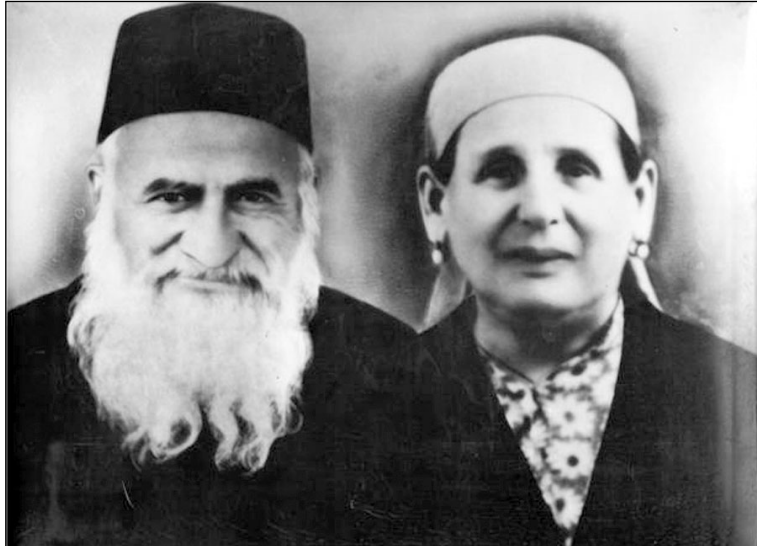
Яков торопливо направился в сторону дома, сопровождаемый одним из оперативников. Дом Якова состоял из трёх комнат - гостиной и двух спален. В дверях, между гостиной и спальней, стояла его жена Рохель, глядевшая на Якова испуганными глазами. «Что с детьми?» - спросил у жены Яков, едва переступив порог своего дома. «Они спят», - всхлинула Рохель. Яков облегченно вздохнул. Детская спальня находилась в самом конце дома, за спальней родителей, и он надеялся, что оперативники скоро уйдут, и его дети не будут разбужены, не увидят всего этого ужаса. Рохель как будто бы прочитала мысли Якова. «Я

закрывает двери в спальнях и попросила их, - она кивнула в сторону оперативников, - не очень шуметь». «Хорошо, - кивнул ей Яков.

Через несколько минут в гостиную зашла пара из соседнего дома, сопровождаемая оперативниками. Яков вспомнил слово "понятых", которое он услышал во дворе и сообразил, что НКВДешники намереваются произвести обыск в доме. Когда в дверях появилась знакомая огромная фигура верзилы, Яков спросил: «На каком основании вы ворвались ко мне в дом в полночь и учинили здесь столь ужасные безобразия?» «Никто к вам не врывается, вы открыли нам двери сами, - сказал НКВДешник мягким голосом, глядя на понятых с улыбкой на лице. Яков был поражен, как этот человек искусно играл новую роль. Его резкий бас сменился на бархатный баритон. Его глаза, совсем недавно налитые кровью, смотрели на окружающих учтивым масляным взглядом. Свиристый вид лица сменился невинной улыбкой. И даже багровое лицо приняло розовую окраску. «Хамелеон с человеческим обликом!» - хотел бросить оперативнику в лицо Яков, но вспомнил, что за оскорбление властей в последнее время многие поплатились свободой. Всё что он мог сделать, - только в безмолвии посмотреть на оперативника НКВД презренным взглядом.

Главный оперативник улыбнулся и представился - заместитель начальника 2-го отделения Народного Комиссариата Внутренних Дел (НКВД) города Коканда товарищ Шакалин. И объявил: «Я имею ордер городского прокурора на проведение обыска в доме гражданина Якова Рубинова, проживающего по улице Ахумбабаева, в доме 40, города Коканда». Вытащил из кожаной сумки документ, протянул его одному из своих помощников и сказал: «Пожалуйста, ознакомьте всех с постановлением».

В углу, на двух табуретках, приспособился оперативник, который строчил на печатной машинке. «Ваше полное имя и фамилия, год рождения и род занятий?» - спросил он Якова. «Имя и фамилия - Яков Рубинов, 1891 года рождения, раввин и преподаватель, - ответил Яков. - А на каком основании прокуратура выписала этот ордер?» «На основании доноса ваших соседей, полученного нами сегодня, - ответил заместитель начальника НКВД и

Раввин Яков Рубинов

вынул из сумки донос. - Вас обвиняют в проведении анти-советских собраний, которые вы организуете у себя в доме, и в открытии нелегальной школы в своём доме, где вы также занимаетесь антисоветской пропагандой среди детей». «У этих соседей, написавших вам лживый донос, нет стыда», - возмущился Яков. Он невольно повернулся в сторону понятых - своих соседей, и внимательно посмотрел на них: «Вы тоже так думаете, как написано в этом доносе?» Соседи-свидетели старались не смотреть в глаза Якову. Они молча пожимали плечами, со страхом глядя на оперативников.

Зам. начальника НКВД обратился к Якову: «Вы не имеете права входить в контакт с понятыми и навязывать им какие-либо мнения. Мы находимся здесь не для того чтобы слушать ваши вопросы, а затем, чтобы задавать вопросы вам и слушать ваши ответы. Если вы сейчас делаете чистосердечное добровольное признание, это вам зачтется. «Я не провожу никаких антисоветских собраний, - ответил Яков. - Я раввин. Люди приходят в мой дом, чтобы помолиться или посоветоваться о чём-либо. А детей я учу только молитвам, и притом бесплатно». «Ну что же, - ответил зам. начальника НКВД, - не хотите признаваться, тем хуже для вас». И обратился к своим помощникам: «Начинайте обыск».

Он начал распределять оперативников для обыска. Сперва послал троих для проведения обыска в помещениях, находившихся во дворе: сарае, кухне и туалете. После этого бегло осмотрел гостиную. Под окном находились три сундука - два больших, а третий поменьше. Зам. начальника НКВД обратился к одному из помощников: «Ты со мной поработаешь здесь. Можешь начинать. Сундуками я займусь сам». Он подозвал

рукой двух оставшихся совсем молодых оперативников, и направился с ними в сторону спален. Яков поспешил за ними, обращаясь к заместителю начальника НКВД: «В последней комнате дети спят. Могу я вас попросить не тревожить их? Там искать нечего. В комнате только постели».

Зам. начальника НКВД недовольно посмотрел в сторону Якова и предупреждающе произнёс: «Я запрещаю вам двигаться куда-либо, оставайтесь в этой комнате». Затем он обратился к оперативникам, оставшимся в гостиной: «А вы посмотрите за ним». «Рохел, - позвал жену Яков, стоявшую в дверях, - проведи их, пожалуйста, в нашу спальню. И посмотри за детьми, чтобы они не проснулись». «Хорошо, Яков, - ответила Рохел со слезами на глазах.

Она открыла двери своей спальни и пропустила зам. начальника НКВД с его помощником. В углу находилась свернутая постель. Возле окна - письменный стол с тумбочкой и стул. Он направился к двери детской. Рохел подбежала к двери и полуплача сказала: «Я вас умоляю, не тревожьте детей». «Посторонитесь гражданочка, - грубым голосом произнёс зам. начальника НКВД. - Я должен взглянуть туда, чтобы определиться». Он подал знак своему помощнику, стоявшему сзади. Тот подошел и встал между Рохел и проходившим начальником. Зам. начальника НКВД приоткрыл дверь и стал разглядывать комнату. Комната небольшая, без мебели, пол полностью застелен большим паласом, а на паласе размещены пять матрасов. На них спали четыре девочки возрастом от четырёх до тринадцати лет и мальчик шести лет. Он прикрыл двери и сказал одному из своих помощников: «здесь работы на одного - ты останешься».

Рохел вошла в детскую, чтобы накрыть детей одеялом и прикрыла за собой дверь. Зам. начальника НКВД, собиравшийся было выйти, внезапно остановился, посмотрел на второго помощника и сказал ему: «Мне кажется подозрительным, что они так волнуются за эту комнату. Пожалуй, тебе тоже нужно будет остаться. Прощупай матрасы и просвети хорошенько фонариком пол. Нет ли там подпольного помещения?»

Когда зам. начальника НКВД вернулся в гостиную, он заметил, что его помощник почти закончил свою работу. Нетронутыми оставались только сундуки. Зам. начальника НКВД подошел к ним и снял с них ковровые покрывала. На сундуках висели замки. «Где ключи?» - обратился он к Якову. Яков достал из переднего кармашка брюк маленький кожаный кошелек, закреплённый на серебряной цепочке. Вынул оттуда ключи и, протягивая их зам. начальника НКВД, сказал: «Там ничего интересного нет для вас. Там книги и записи. Зам. начальника НКВД ухмыльнулся и ответил: «Ошибаетесь. Это как раз то, что нас может больше всего заинтересовать».

Он отворил сундуки. Два больших сундука были доверху наполнены книгами. В одном находились старые книги. В другом - новые. В третьем сундуке лежали рукописи. И книги, и рукописи были аккуратно сложены. Зам. начальника НКВД взял несколько рукописей и начал их перелистывать. В рукописях он обнаружил записи с рисунками и чертежами. «Что это за иероглифы?» - спросил он Якова, тыча своими пальцами в тетради. «Это не иероглифы. Это древнееврейская письменность».

Зам. начальника НКВД посмотрел еще около трех десятков таких же рукописей. Он заметил, что одни рукописи имели уже пожелтевшие листки, другие были ещё свежими. «Откуда они у вас?» - спросил он у Якова. «Это мои личные записи». - «Вы что, за идиота меня принимаете?! Человеку у трёх жизней не хватит, чтобы столько бумаги исписать. Похоже, что вы получили всё это контрабандным путём из-за границы. Что здесь написано?» - «Это никакая не контрабанда. Я вам уже ответил - это все мои записи. Часть рукописей содержат мои наблюдения и исследования в различных науках: религии, истории, медицине и психологии, астрономии и астрологии. Другая часть - это мои конспекты для преподавания».

Продолжение следует.